

Роман КАЗИМИРСКИЙ*г. Будва (Черногория)***ЗЕЛЕНЫЙ
ШЕПОТ****ПОВЕСТЬ***Как давно это было — уже три года прошло,
а кажется, будто было вчера...*

Верхний двор против нижнего — финал лиги местных чемпионов по футболу. Счет ничейный, последние секунды матча. Саша, оставив свои ворота, мчится на половину поля противника. Красивый подкат — и мяч направляется в ворота аккурат между ног Кира, знаменитого на всю округу голкипера. Тот отчаянно пытается избежать позорной «банки», но тщетно. Эх, знал бы тогда Саша, что Кир надолго запомнит этот момент, может быть, и не стал бы так стараться. Но он не знал — и поэтому радовался победе своей команды совершенно искренне, принимал поздравления и даже совершил два круга почета.

Вот Саша идет домой — гордо вышагивает в рваных парусиновых туфлях и даже не боится того, что мама может не оценить подвига их обладателя на фоне урона, нанесенного выходной обуви. Это на самом деле не важно. Саша представляет, как будет рассказывать о том, что происходило на поле, как настоящий комментатор. Эх, была бы у него еще какая-нибудь звучная фамилия — Чилаверт, например. Или Дасаев. Или Касильяс! Саша представляет, как защищает ворота своей страны в финале чемпионата мира в решающий момент — и спасает всех, конечно. А потом его качают на руках, но сначала, конечно, делают кучу малу. Ему всегда хотелось попробовать, каково это.

Как только Саша открыл калитку и направился к дому, он тут же забыл обо всем — и о сегодняшнем матче, и о том, что собирался рассказать. Справа от дорожки, вымощенной брусчаткой, было непривычно пусто, будто кто-то вырвал часть привычной картинки и ничем не заполнил образовавшуюся пустоту. Не сразу поняв, в чем дело, Саша несколько секунд рассматривал уродливую дыру в земле. Разве она здесь была и раньше, эта дыра? Почему он ее не замечал? Или не было ее? А что тогда было? Ой!

Еще через несколько мгновений родители Александра, почти взрослого уже мальчика двенадцати лет, выбежали из дома, услышав плач сына. Тот сидел на дне земляной ямы, кидал в них комья грязи и кричал, как капризный малыш:

— Где оно?! Куда вы его дели? Где мое дерево? Это было мое дерево! Где мое дерево? Где! Моё!.. Дерево!..

— Саша, что ты... Не переживай. Ты ведь хотел бассейн! Помнишь, я тебя спрашивала? — мама, волнуясь, пыталась успокоить его, отец же молча стоял рядом. — Помнишь? Вот мы и решили тебе сюрприз сделать. Пока ты с друзьями играл, дядя Коля дерево выкорчевал, вот — яму под бассейн уже выкопал. А что? Тебе не нравится? Ты знаешь, как мы его сделаем — какого цвета бассейн хочешь? Всё, давай руку, не плачь. — Мама взяла зареванного сына за руку и помогла выбраться из ямы. — Ну, дерево, ну и что? Завтра с папой поедешь в магазин и выберешь себе другое дерево — какое захочешь. Правда, Олег? Съездишь с ним?

Отец молча кивнул, обнял словно заснувшего Сашу и пошел с ним в дом. Глаза ребенка были закрыты, только веки слегка подрагивали и шевелились губы, будто он с кем-то разговаривал.

«...Тише, все будет так, как должно быть, — кто-то невидимый шептал из пустоты. — Мы знаем тебя, я знаю тебя. Ты не виноват. Я тебе все объясню. Чуть позже. Ты приходи — и все увидишь сам. Но молчи. Или не приходи. Будешь молчать? Наш секрет? Молодец. Приходи, я жду...»

Если бы кто-нибудь сказал Сашиним родителям, что их сын в тот момент действительно кое с кем разговаривал, наверное, его тут же отвезли бы в больницу к какому-нибудь мозгоправу. Но, к счастью, все обошлось — мальчика оставили в покое, объяснив его поведение особенностями подросткового возраста, поэтому сегодня мы имеем... Впрочем, обо всем по порядку.

* * *

Лес. Такой разный — то шумный и сердитый, то ласковый и внимательный. Сегодня тебе кажется, что ты знаешь его как свои пять пальцев, а завтра бродишь по нему как в первый раз: где вчерашние тропинки, куда делись зарубки? Можно десять раз пройти мимо какого-нибудь дерева — и только на одиннадцатый заметить, что это и не дерево вовсе, а просто тень, игра света. А может быть, и было дерево? Просто ему надоело расти на одном месте, и оно перебра-

лось куда-нибудь поближе к воде, оставив вместо себя муляж.

Вот и пруд как раз. Говорят, будто после войны из него выгнали истребитель, только вот пилота так и не нашли. Поэтому здесь никто не купается. Боятся, что призрак летчика на дно утащит. Мол, одиноко ему там одному, вот и ищет себе компанию. А Саша верит, что пилот вовремя катапультировался и спасся. И прожил долгую счастливую жизнь.

— ...Сегодня прекрасный день, не правда ли, человек? Зачем ты нацепил на себя это странное приспособление? Сквозь него не сможет пробиться ни один солнечный луч. Как ты вырастешь без солнца? Будешь тонким и щуплым. Сними его.

— Отстань, зелень. Это просто кепка. От кепки еще никто не умирал.

— Так ты станешь первым. Посмотри на себя — щуплый, бледный. У нас таких на мультчу пускают, знаешь ли. У-р-р-р...

Это он так смеется. Саша уже привык, а сначала пугался. Любому бы стало не по себе от такого проявления веселья.

Саша подошел к самому берегу пруда и склонился над водой. Отражение показалось ему достаточно привлекательным: стройный, спортивного вида паренёк с тонкими чертами лица и большими глазами. И кепка очень даже к месту. Побудешь на таком солнцепеке без головного убора часик — нос обгорит. А кому понравится красный нос?

— Так что сам ты мультча, — закончил Саша вслух свои рассуждения. — Я бы, может быть, и прислушался к твоему авторитетному мнению, если бы оно было авторитетным.

— А к чьему мнению ты готов прислушаться?

— Ну... — мальчик замялся.

Между нами, выбор-то был невелик. Так уж повелось, что за последние пару лет Саша растерял всех своих друзей — мало кто хотел общаться с «психом», как его называли окрестные ребята. Сначала он злился, даже несколько раз дрался, но потом сказал себе, что лучше быть одному, чем дружить с дураками. Сказать-то сказал, но приятелей ему такая жизненная позиция не прибавила, поэтому сегодня он не в бассейне с одноклассниками, а здесь, в обществе своего единственного друга. Правда, друга

проверенного, настоящего. Он не соврет, не предаст, не бросит в трудную минуту.

— Да ладно тебе философствовать, старый, — Саше стало стыдно от сказанного. — Ты ведь знаешь, что я несерьезно. Если я кого и слушаю, так только тебя. Ты чего, обиделся, что ли?

— Нет, конечно, что ты. Я на мульчу обижаться не привык. У-р-р-р... — в этот раз и Саша присоединился к смеху своего собеседника.

— Ну, пока, до завтра, — Саша направился в сторону своего дома. — Мне еще родителям нужно помочь. Обещал еще дней десять назад свою комнату в порядок привести. А завтра бабушка приезжает. Если завтра на моих двенадцати квадратах будет такой же бардак, как сейчас, то к обеду жди в гости — родители меня здесь и закопают.

— Хорошо, иди, обещания нужно исполнять. Помнишь, какое ты мне слово дал? Пора бы и его сдержать, как ты считаешь?

— Да помню, помню. Все будет, не торопи меня, я и так быстрый, как сквозняк. Вот — видишь: я есть, а теперь меня нет, — и Саша вприпрыжку побежал домой.

Вслед ему улыбался и махал ветками Лес.

— Люди, — прошептал он. — Как вы любите все усложнять.

* * *

— Эй, вы посмотрите, кто к нам пожаловал! — Кир соорудил дурашливо-удивленную гримасу и скосил глаза к переносице. — Сам псих почтил нас своим присутствием. Нет-нет, я не верю. Этого просто не может быть.

Фу ты, опять этот шут гороховый. Кто бы мог подумать, что этот остряк-самоучка растет в профессорской семье, домой носит одни пятерки, Пушкина почти всего наизусть знает. Девчонки его любят, парни уважают, все окрестные взрослые ставят его своим отпрыскам в пример. В общем, Кир — наше все и даже больше. Для всех, за исключением Саши, который знаком с не самой приятной стороной всеобщего любимца. Он знает Кира как злопамятного и вредного мальчишку, который так и не смог простить ему того злополучного гола. Уж он-то никогда не упустит случая задеть Сашу, как только выпадет такая возможность. Вот и сегодня, сто-

ило тому, задумавшись, пройти мимо группы ребят и не поздороваться, как Кир тут как тут.

Впрочем, Саша уже привык к дразнилкам. Сейчас, наверное, Дима присоединится — он верная Кировская правая клешня. Ну, конечно, кто бы сомневался.

— О, что мне сделать, чтобы его придурковатое величество обратило на меня свое драгоценное внимание? Взгляни на меня, о желанный объект моих субъективных грез! — иногда правая рука была даже остроумнее своего хозяина, подумал «объект».

— Привет, Саша!

Это Ника. Невысокая, с темно-русыми, чуть вьющимися волосами и карими улыбчивыми глазами. Саша учится с ней в одном классе. По утрам они часто встречаются по пути в школу, иногда даже вместе идут домой. Несколько раз Саша почти решился предложить ей зайти куда-нибудь — например, в кино. Или съесть по мороженому в местной кафешке. Но, как известно, «почти» не считается, поэтому Саша до сих пор подолгу смотрит на Нику, когда думает, что его никто не видит. Нравится ли она ему? Конечно. Может быть, это любовь? Может быть — Саша еще не определился. Вот только каждый раз, когда Ника оказывалась рядом, куда-то разом пропадали нужные слова, ладони вдруг становились влажными, а все предметы вокруг нечеткими и размытыми — настолько, что, провожая ее до дома, обычно внимательный Саша мог легко не заметить лужи у себя под ногами или ветки дерева прямо перед своим носом. Конечно, такие особенности поведения не могли долго оставаться вне поля зрения Кира и его компании. Ну что ж делать... Вот и сейчас ребята переглядываются и начинают активно зубоскалить. Ничего, ничего, думает Саша, сейчас он поздоровается с ней, а потом подойдет и пригласит на свидание — так, чтобы все слышали. Именно так они все с Лесом и планировали — и слово Саша дал, что обязательно решится на это. Обязательно решится, это ведь совсем не сложно, вообще проще простого.

— Привет, Саша!..

Опять все плывет перед глазами, в груди что-то ухает, ноги становятся ватными, он спотыкается и чуть не падает под дружный гогот аудитории.

— Привет, Ника... Я тут... В общем, дело у меня важное очень. Увидимся утром, хорошо?

— Да, конечно, пока. Удачи тебе!

Саша шел к дому, слыша за спиной раскатистый смех Кира и представляя себе, как он однажды даст недругу в зубы. Обязательно даст однажды. А почему сейчас не дал? Может, вернуться? Нет, это будет совсем глупо выглядеть. Да и за что? За насмешки? Так было ведь ничем смеяться. Сам дурак, поделом. И Нике, наверное, он болваном показался. Хотя, может быть, она не заметила? Саше очень хотелось на это надеяться.

* * *

Дом — таинственный остров, на котором время остановилось. Здесь ничего никогда не меняется. По утрам — яичница с поджаренным хлебом, обеденный стол случается только по воскресеньям, потому что всю неделю родители работают, а в субботу отсыпаются. Ужин, естественно, тоже обычно не отличается особой душевностью. Воскресенье начинается с разговоров о том, как мало времени остается на семейные отношения. Заканчивается воскресенье, соответственно, усиленным наверстыванием этого потерянного времени. Один раз в месяц приезжает бабушка — поэтому именно раз в месяц Саша наводит маршфет в своей комнате. Захватывающе, не правда ли?

Саша, с раздражением собирая в мусорный пакет разбросанный повсюду хлам, раздумывал над тем, как бы сделать так, чтобы бабушка в этот раз не заходила в его комнату. И вообще, ну что она забыла здесь? Он и сам может к ней как-нибудь на днях заскочить. Да и почему это она должна сама к ним приезжать? Она ведь уже старенькая совсем, наверное, сложно ей. Родители тоже хороши — вот взяли бы и сами...

Саша вдруг покраснел от того, что попытался обмануть самого себя. Конечно, дело было вовсе не в заботе о бабушке, а в обычной лени. Всё, баста, не переломисься, уважаемый, если в кои-то веки наведешь порядок в собственных хоромах.

— Сынок, ты у себя? — Это мама, наверное, поторопить хочет. Скорее всего, ужинать позо-

вет. (Что там? Неужели опять суп?) — Саша, подойди ко мне, пожалуйста.

— Иду, мам, иду, — Саша вышел из комнаты, волоча пакеты с мусором. Родители сидели на диване, взявшись за руки. Что, уже время бесед о семейных ценностях? И все-таки, откуда его столько набирается всего за месяц, мусора этого? — Я почти закончил. Еще минут пятнадцать — и дворец к почетному приему королевы-матери будет готов.

— Сынок, бабушка не приедет завтра, бабушка умерла вчера, мы с папой только что узнали.

Саша не сразу понял смысла всей фразы — он уловил только ее начало. Поэтому он радостно улыбнулся и присвистнул — и, только подняв глаза и увидев лицо матери, начал с ужасом вникать в суть услышанного. Стало вдруг очень больно в горле — будто проглотил пузырь воздуха, во рту появился горьковатый привкус соли. Почему-то вспомнился день, когда он катался на велосипеде, угодил колесом в яму и, неудачно грохнувшись, сломал себе руку. Было очень больно и страшно, как сейчас. А бабушка взяла его на руки и так — на руках — отнесла в травмпункт. Он тогда еще подумал: никогда бы не подумал, что она такая сильная. Возможно, даже сильнее папы, а это уже очень серьезно.

И вот ее нет. Мама плачет, отец молчит и смотрит в сторону. А Саша никак не может разобраться в своих чувствах. Первый шок прошел — пришло осознание утраты, однако самого ощущения утраты не было. Так бывает, когда тебе говорят, что потолок — это навсегда и неба больше нет. Но ты-то знаешь, что небо есть.

— Это очень странно, — Саша закрыл глаза и прислушался. Обычно ему достаточно было нескольких секунд, чтобы наладить контакт с Лесом. — Ты здесь? Что со мной происходит? Почему мне кажется, что моя бабушка со мной?

Зашелестели листья — верный признак того, что его слышали. Теперь главное — не производить мыслей вслух.

— Я с тобой.

— Ты не понял, у меня бабушка умерла. Но у меня такое чувство, будто она где-то рядом. Ты мудрый, сам говорил. Объясни.

— Я с тобой. Я — это она. Она — это я. Ты пой-

мешь. А сейчас нужно просто поверить. Верь мне, Человек. Я — это она, теперь уже навсегда.

— Постой, постой, — у Саша закружилась голова. — В каком смысле ты — это она? Или она — это ты. Это как реинкарнация, что ли? А можно мне с ней поговорить? Или ты передай ей, что мне очень жаль.

— Чего тебе жаль?

— Не знаю. Всего. Того, что мало с ней общался. Того, что забыл многое. Многого не успел сказать — или не хотел. А сейчас хочу. Можно мне поговорить с ней?

— Ты уже разговариваешь. Я слышу — она слышит. Она говорит — я говорю. Она сказала так: не кори себя, Саша, невозможно успеть все. Нужно оставлять незаконченные дела, чтобы их кто-нибудь доделал за тебя. Она сказала еще: твои папа с мамой пока не готовы, но время скоро настанет. Страшное приближается, одному тебе не справиться. Нужна будет их помощь.

— Какое страшное? Что приближается?

— Ты скоро сам все узнаешь. Не сегодня. Сейчас ты нужен своим родителям. Им больнее, чем тебе. Ты — их лекарство. Лечи.

* * *

Ника, знаешь, ты мне давно нравишься, я давно хотел тебе сказать... Нет, не так. Ника, я как-то прочитал у одного поэта такие строки: «Когда в глазах твоих вселенная души — уже не карлик я. Гигант». А если она не любит стихов? Нет, она любит их, конечно. Ну, а вдруг? Нет, не то, не то!

Саша сидел на большом камне возле пруда и разговаривал с воображаемой Никой.

— О чем думаешь? — шепот раздался над самым ухом.

— Не о чем, а о ком, — Саша уже давно перестал стесняться своих чувств, общаясь с Лесом. — Сам знаешь. Вроде бы все просто, а как пытаюсь что-то сказать ей, тут же в болвана какого-то превращаюсь.

— А ты не думай. Говори как есть.

— Ага, не думать. Это ты можешь напрямую — у тебе фотосинтез. Ты бы помог лучше.

— Как?

— Ну, если бы я знал как — то и не спрашивал бы. А раз спрашиваю, значит, не знаю. Ты

же древний и мудрый вроде, так чего глупые вопросы задаешь?

Саша задумался. А в чем на самом деле проблема? Ника — единственная, кто никогда не издевается над ним. Значит, он ей нравится. Ну да, нравится. Про элементарную воспитанность слышал? Может быть, она просто выше всего этого — вот и не опускается до уровня этих орангутанов. Или все-таки нравится?..

Окончательно запутавшись в предположениях и устав гадать, Саша закрыл глаза и постарался ни о чем не думать. Легко сказать: не думать — как только ты решаешь это сделать, твой мозг начинает работать в режиме какой-то истеричной активности.

— Чтoб тебя! — ругнулся Саша и вскочил на ноги. От резкой смены положения у него закружилась голова, и он, не удержавшись, плюхнулся в зеленоватую воду.

— У-р-р-р... — пространство вокруг будто завибрировало. — Правильно делаешь, Человек! Полив — дело полезное.

Саша хотел было съязвить в ответ, как вдруг ему пришла в голову идея.

— Зеленый, а можно мне с бабушкой поговорить? Ты ведь сам вещал: я — она, она — я. Можно? Чего молчишь? Раз сам не можешь ничего дельного подсказать, дай другим, не будь гадом.

— Саша, ты все правильно делаешь, — привычный шепот приобрел новые, более человеческие нотки. — Ты сомневаешься — это нормально. Только глупцы никогда не сомневаются. Боишься, что ответит отказом — и правильно делаешь. Зато еще больше будешь ценить ее положительный ответ.

— Ба, ты честно думаешь, что она согласится пойти со мной на свидание?

— Конечно. Я не только так думаю, но и знаю наверняка. Вот увидишь.

— Спасибо! Тогда я пойду, — Саша, приняв решение и получив необходимую ему поддержку, заторопился. — Слушай, а ты куда не денешься? Ну, не перейдешь в какой-нибудь другой мир или измерение — или как оно у вас называется? Мне бы с тобой иногда поговорить — а то этот совсем деревянный, до него не достучишься временами.

— А я все слышу, между прочим, — шепот опять изменился и стал прежним. — Деревян-

ный я, говоришь? Так я ведь дерево, чего ж ты хотел. Будешь, будешь общаться со своей бабушкой, не переживай. Она теперь никуда не уйдет — поверь мне: здесь достаточно места для всех. Ну, беги, а то опять весь свой пыл растеряешь, если думать начнешь.

Саша хотел было последовать совету своего друга, но вдруг вспомнил о чем-то:

— Постой, ты говорил о приближающемся страшном — что это? Ты так и не сказал.

— Я слышу, как дрожит земля. Я чувствую боль своих братьев и сестер. Много боли. Я пока не могу определить, что это. Но оно чудовищной силы — и оно приближается. Боюсь, что мне одному не справиться.

— Ты боишься? — Саша удивился. — Ты ведь сам мне говорил, что был всегда и поэтому страх тебе неведом. Говорил?

— Говорил. Выходит, я ошибался.

* * *

Вот тебе и Зеленый. Вот тебе и дерево. Ведь с самого начала был прав. Боялся Саша, боялся, планировал что-то, проигрывал в голове различные воображаемые ситуации, пытался их решить — опять же в воображении. И с каждым разом это было сделать все сложнее и сложнее — то невсамделишная Ника становилась злой и язвительной, то рядом появлялся нафантазированный Кир и оказывалось, что именно в него она все это время и была тайно влюблена. Нет. Все оказалось просто. Набрался смелости — выдохнул, подошел, сказал.

За три дня, что прошли с эпического признания в любви, Саша успел похвалить себя за смелость бесчисленное количество раз. И еще больше — обругать себя же последними словами за то, что не сделал этого раньше. Нужно было дать себе пинка в тот день, когда впервые не решился рассказать ей о своих чувствах. Сколько времени потеряно! А ведь она, оказывается, ждала от него этих простых трех слов. И сама сомневалась — и страдала, и провожала его взглядом.

— О ком ты думаешь? — Ника шутливо надула губки и скрестила руки на груди.

— А? Я? Нет, только о тебе, и вообще — ты раз-

ве кого-то еще знаешь, о ком можно думать? — Саша состроил удивленную гримасу.

Ника весело рассмеялась и потянула его за собой:

— Ты обещал мне показать самое секретное из всех секретных мест. Или ты передумал?

Конечно, Саша не передумал. Просто он отчаянно трусил. Рассказать — не рассказать?

Вариант первый. Все это время Кир был прав: Саша — псих, и голоса звучат исключительно в его голове. Вот уж радость так радость. Наверяд ли Ника будет счастлива навещать его в психушке.

Вариант второй. Шарик за ролик у него не закатились — он здоров. Но Ника не услышит. И не поверит. Как следствие, возвращаемся к первому варианту.

Вариант третий. Она научится слушать и слышать. Да, Саше определенно больше всех нравился именно третий вариант.

— Ну, так как? Веди меня, мой рыцарь! — для нее это была игра, конечно. Но для него все было более чем серьезно.

— Хорошо! — Саша решил придерживаться выигршной тактики и ничего не бояться. Если решил — то делай. — Пойдем. Только обещай, что ничего не будешь бояться — и если что-то покажется тебе необычным, то ты хотя бы попытаешься понять и поверить. Договорились?

— Договорились, — согласилась Ника, заинтригованная серьезностью, с которой говорил Саша.

Взявшись за руки, они пошли по направлению к лесу.

* * *

Погода стояла дивная — как раз для великого посвящения. Так сначала думал Саша, однако по мере приближения к лесу его уверенность сменялась тревогой. Что-то было не так. Он привык чувствовать любые, даже самые незначительные изменения в настроении природы.

Рябина в предлесье бессильно опустила ветви и не ответила на прикосновение. Береза, подобно плачущей иве, грустно склонилась над самой землей. Не было приветственного щебетанья птиц. Все будто замерло. Ника, идущая рядом, конечно, ничего этого не замечала. Она весело

рассказывала о чем-то, но Саша ее не слышал.

— Зеленый! — мысленно позвал он. — Зеленый, где ты? Что происходит?

Несколько мгновений в эфире стояла полная тишина, потом, будто издалека, нарастая, появился многоголосый шепот. Он становился все громче — пока не превратился в гул, сквозь который Саша с трудом различал отдельные фразы.

— Они убили!.. Возродится... Это невозможно... Убили, убили!.. Помощь, нужна помощь... Нельзя ждать... Откуда?.. Он сможет... Всего лишь человек... Еще ребенок... Такой же... Все они звери... Он не такой!

Этот тембр Саша узнал бы из тысячи. Лес говорил о нем, надеялся на него, просил о помощи.

— Я могу! — Саша вмешался в разговор — и все голоса вдруг смолкли. — Вы только скажите, как вам помочь.

— Так он действительно нас слышит? — произнес старушечий надтреснутый голос. — И что же, мальчик, ты до сих пор никому ничего не рассказал?

— Так я обещал Зеленому... То есть Лесу обещал я, — поправился Саша.

— И что же, ты все обещания сдерживаешь?

— Ну да. То есть нет, конечно, не все. Но важные — все.

— А разве бывают неважные обещания?

— Не знаю. Наверное, бывают, — Саша совсем запутался, а тут еще Ника принялась рассказывать что-то уж очень громко — так, что он начал путаться в собеседниках.

— Но ты ведь и это свое обещание не сдержал, разве нет? Кто эта девочка? Она тоже умеет нас слышать?

— Нет, пока она не умеет, но я очень хотел бы ее научить. Это Ника, она мне очень нравится. Но я пока ничего ей не рассказывал — хотел сначала у Зеленого спросить. То есть... Можно я его буду Зеленым называть? Я уже привык.

— Называй моего брата хоть фиолетовым, от этого суть вещей не меняется. К тому же настоящего его имени ты все равно выговорить не сможешь. А что это значит — нравится? То есть если тебе кто-то нравится, то ему — можно, а если не нравится — так и нельзя? А кто сказал тебе, что тебе нравятся хорошие люди — и наоборот?

— Ника хорошая! Она одна надо мной не издевалась! — Саше захотелось защитить свою подругу, и он едва не произнес эти слова вслух.

— Ну, раз ты так считаешь. Ну что, Зеленый, можно я тоже теперь тебя так буду называть? — позволишь Саше рассказать все девочке?

— Здравствуй, Человек! — голос звучал грустно. — К сожалению, она не поймет тебя. Это я почувствовал сразу, как ты появился. Лучше не делать этого, доверься мне. Все будет не так.

— Ты ошибаешься! Ты же можешь ошибаться, Зеленый, — Саша изо всех сил старался придать своему мысленному голосу уверенности, которой он на самом деле не испытывал. — Позволь мне попытаться. Ты обещал, помнишь? Я свое слово сдержал, теперь твоя очередь.

— Я не могу помешать тебе, ты ведь знаешь. Могу только предостеречь. А прислушаться к моим словам или нет — решать тебе.

— Извини, друг, но я решил.

— ...а она, ты представляешь, надела мамино платье и все лицо ее дорожкой губной помадой измазала!.. — Ника как раз дошла до кульминационного момента своей истории, которую всё это время рассказывала, и приготовилась продолжить повествование о похождениях своей младшей сестры, но Саша перебил ее:

— Послушай... Ты помнишь, я тебе говорил о своей тайне?

— М-м, о тайне? Да, помню, — Ника хитро прищурилась.

— Я еще никому о ней не рассказывал. Ты — первая.

Девочка сделала томное лицо и закатила глазки:

— Я вся внимание, месье.

Саша набрал в грудь воздуха и выпалил:

— На самом деле деревья умеют разговаривать, но их никто не слышит. А я слышу. Мы сейчас в лесу — это мой друг, его зовут Зеленый, мы с ним почти каждый день общаемся. И вообще — когда люди умирают, они становятся частью леса, и тогда с ними тоже можно разговаривать. Ты же знаешь, что у меня недавно умерла бабушка. Так вот, мы уже...

Саша замолчал, потому что Ника вдруг закрыла уши руками и закричала:

— Хватит! Ты ненормальный? Я думала, что ты меня поцеловать хочешь! Ты зачем меня сю-

да привел? Про лес рассказывать? Дурак! Псих! Не подходи ко мне больше!

Раздраженно дернув плечиками, Ника решительно зашагала прочь. Саша, опустив руки, молча смотрел ей вслед. Когда она скрылась из вида, мальчик медленно опустился на траву. Внутри была странная пустота. Незнакомое чувство, которое даже неприятным было сложно назвать. Никакое чувство. Светло-серое, густое, как туман поздней осенью. Хотелось закрыть глаза и завалиться в спячку, как медведь.

Саша вздрогнул от прикосновения — он повернул голову и увидел воробья. Как ни в чем не бывало тот уселся на его плече и заглядывал мальчику в глаза. Саша склонил голову набок — птица повторила за ним. Саша улыбнулся — воробей чирикнул, клюнул его в ухо, взмахнул крыльями и улетел.

— Мне очень жаль, — в голосе Зеленого звучала неподдельная грусть. — Ты должен был через это пройти, я не должен был тебя предостерегать. Не имел права. Теперь ты знаешь: не все то, что тебе хочется считать хорошим, является таковым. И наоборот, как уже говорила моя сестра. Сейчас тебе больно, но эта боль добрая. Она сделает тебя сильнее. Можешь считать это эгоизмом, но всем нам нужна твоя сила.

Саша слушал своего друга — и появившееся было раздражение сменялось чувством благодарности. Наконец, вздохнув, он произнес:

— Спасибо тебе! Давай пока не будем говорить об этом. Мне еще самому нужно подумать обо всем, что произошло. А теперь рассказывайте. А то чем дольше вы молчите, тем страшнее мне становится. Что произошло? С чего такой переполох?

Все опять заговорили разом — и от этого голоса слились в шелестящий взволнованный гул.

— Не все сразу, пожалуйста. Так мне ничего не разобрать. Друг, давай ты.

Над лесом повисла вязкая тишина, и оттого слова, произнесенные Зеленым, прозвучали неестественно громко, будто в громкоговоритель.

— Нас убивают, Саша. Каждый день. Страшные машины оставляют после себя пустоту. Помнишь, ты по моей просьбе в прошлом году навещал моего брата, когда он заболел? Его больше нет. Несколько дней назад пришли какие-то люди в касках, долго ходили, измеряли

что-то, а на следующее утро земля задрожала и со всех сторон на лес напали машины, пожирающие деревья. Люди не слышали их криков, люди не чувствовали их ужаса. Возможно, если бы они могли слышать, все было бы иначе. Возможно, мы могли бы жить вместе.

— Но как заставить их услышать? — Саша с ужасом представил себе, как валятся деревья вокруг него, и непроизвольно зажмурился.

— Мы пытались, — голос Зеленого звучал грустно. — Ты еще не знаешь: люди в касках уже приходили. Сегодня. Мы сделали все, что было в наших силах, но они не захотели нас услышать. Завтра все будет кончено. Если, конечно, мы ничего не придумаем.

По лесу прошел легкий шум, похожий на вздох.

— А что мы можем сделать? — у Саши закружилась голова от ответственности, которая неожиданно легла на его плечи. — Вернее, что я могу сделать? Меня ведь очень мало — и даже еще меньше. Совсем недавно меня только Ника и считала нормальным. А сейчас каждый в нашем городке будет уверен в том, что я вообще того. Вы думаете, что меня кто-то послушает?

— Может, стоит хотя бы попытаться? Помнишь: не попробуешь — не узнаешь.

— Вот, я попробовал. И чем все это закончилось? — Саша вспомнил о реакции Ники и вдруг рассердился. — А если и в этот раз все будет так же? Что мне тогда делать? Советчики нашлись тоже.

— Ну, даже если и так. Что случится? Конечно, ты можешь промолчать, — опять вмешался старушечий голос. — Наверное, для тебя даже будет лучше, если ты уйдешь и больше никогда не вернешься сюда. Забудь о нас — будто нас и не было вовсе. Со временем все образуется. У тебя появятся друзья, с которыми ты опять будешь играть в футбол. Извинишься перед Никой, скажешь, что неудачно пошутил. Она, конечно, простит — ведь ты ей нравишься. Да, так будет лучше. Прощай. Мы все понимаем и зла на тебя не держим.

Как же все это сложно. Саша уже давно убедил себя в том, что лучше ни с кем не дружить, чем дружить с кем попало. Но сейчас он вдруг осознал, как ему не хватает простого общения со своими сверстниками. Сестра Зеленого

смогла заглянуть в душу мальчика и посеять в ней сомнение. Вот только зачем?

Зачем — Саша не мог этого понять. Деревья ведь отчаянно нуждались в нем — это было ясно как день. Без него им конец. Правда, возможно, что и с ним — конец, но все же он может дать им хоть какую-то надежду. Если только...

— Я все понял. Вы не хотите ни к чему меня подталкивать. Нужно, чтобы я сам принял решение. Чтобы понял, что для меня важнее. Так вот, я понял. Я помогу вам. Ждите.

* * *

Родители не поймут. Зеленый говорил, что они помогут, но он ошибался — Саша это точно знал. Они просто испугаются и отвезут его в больницу. Впрочем, он всегда был готов к такому повороту событий и, честно говоря, временами удивлялся, что до этого так и не дошло. Нет-нет, оставим родителей в покое, так будет спокойнее, — решил про себя Саша. Он брел вдоль дороги и размышлял о том, как заставить кого-то помочь ему и лесу. И — главное — кого? Пойти к директору школы? Ну, это совсем не вариант. Попытаться поговорить с ребятами? Засмеют. Взрослые даже слушать не станут — не в фаворе он у местного родительского совета. Кинуть клич? Поздно уже. Эх, эх... Пожалуй, придется опять выставить себя на посмешище и просить о помощи Кира и его команду. А вот и они. Смелей.

— Народ, у меня к вам разговор, — галдящая толпа ребят на секунду замолчала от удивления — настолько необычно было слышать что-либо от Саши. — Послушайте, это на самом деле очень важно...

— Ну, ничего себе! Смотрите-ка, сегодня в психушке, наверное, день открытых дверей, — Кир насмешливо подбоченился и выставил вперед правую ногу. — Нам тут одна птичка нащелкала, будто ты так сильно гринписом увлекся, что сам позеленел. Покажи язык — вдруг он у тебя зеленый.

Все вокруг громко засмеялись. Саша отыскал в толпе Нику и с горечью отметил, что она смеется громче всех. Так, значит... Ничего, это уже не важно.

— Пусть у меня язык зеленый. Пусть даже му-

хоморы на носу вырастут, вам-то что? Вы только зубоскалить и можете, — Саша почувствовал бессилие от того, что никто не желал его слушать. — Это важно, дайте мне сказать!

— А я бы послушал, кстати, — Дима, поглядывая на Кира, всем своим видом показывал, что цирк только начинается. — Пусть человек выскажется. Может, у него от избытка слов голова пухнет. А вот выпустит пар — голова и сдуется, глядишь — и нормальным станет.

Кир благосклонно наклонил голову. Хоть так, — подумал Саша и поспешил начать, чтобы никто его не опередил:

— В общем, это касается леса.

— Я же говорила! — победоносно выкрикнула Ника, но на нее зашикали, и она обиженно замолчала.

— Леса скоро не будет.

— То есть как не будет? — удивился кто-то. — Куда это он собрался подеваться?

— Его срубят. Завтра утром. Помните, недалеко от нас была роща небольшая? Кир, мы с тобой в детстве там грибы собирали с родителями, — Кир молча кивнул. — Так вот, ее больше нет, этой рощи. Несколько дней назад ее полностью вырубил. Теперь на ее месте будут строить коттеджный городок.

— Ну, коттеджный городок — тоже дело, — начал было Дима, однако Кир грубо перебил его:

— Тихо! Так, что там дальше? Рассказывай.

— Мне сказали, что к нам уже направляются бульдозеры. Проектировщики уже приезжали, все замеры произведены. Если мы ничего не сделаем, то у нас отберут наш лес. И пруд осушат.

Ребята стояли молча.

— Я постараюсь помешать им, — продолжал Саша. — Кто поможет мне? Я все равно это сделаю — даже один. Но вряд ли у меня что-то получится. Кто пойдет со мной?

Несмотря на то что Саша не ждал какого-то особого участия от своих одноклассников, он все же втайне надеялся на то, что хоть кто-то откликнется. Наверное, зря. Люди привыкли любить природу издалека, только если это не требует от них каких-то усилий, — во рту стало горько и солоно. Вспомнился Зеленый, его урчание, отражение неба в пруду и все то, что в скором времени может быть уничтожено.

— И кто же тебе нарасказывал такой жути? — Ника первой прервала молчание. — У меня папа работает в строительной компании, он мне ничего не говорил об этом. Опять с деревьями общался, псих?

— Я пойду, — Кир решительно вышел вперед. — Я не хочу, чтобы у нас здесь все забетонировали.

— Ты чего? — Дима от удивления даже рот раскрыл. — Он же сам не знает, что несет. Какая стройка? Какие коттеджи? Этот лес здесь всегда был — в нем еще мой дед охотился. Никуда он не денется. Ты поверил этому клоуну, что ли?

— Не денется — и хорошо. Если выяснится, что ничего такого нет, я лично этого фантазера в его любимый пруд обмакну, — Кир кивнул в сторону Саши. — Но если кто-то собирается наш лес на дрова пустить, я не собираюсь в сторонке стоять и смотреть на это. Ника, говоришь, твой папа в строительной компании работает? Вот и позвони ему, узнай, что к чему. Чего ждешь? Звони давай. А мы послушаем.

Девочка с недовольным видом достала телефон из рюкзака и отошла в сторонку. Саша подошел к Киру и протянул ему руку:

— Спасибо тебе! Честно говоря, не ожидал от тебя такого. Мне жаль, что я тогда тебе гол закатил, извини меня. Не хотел тебя обидеть — может быть, забудем об этом?

— Какой гол? — Кир непонимающе посмотрел на Сашу, но протянутую руку пожал. — Я не помню этого. Ты мне просто не нравишься. Какой-то ты слишком правильный.

— Это я правильный? — Саша был поражен. — Так ведь это тебя всем в пример ставят. Родители мне про тебя весь мозг съели.

— Ну да. Так я стараюсь, а у тебя само собой выходит.

Пока Саша переваривал полученную информацию, к мальчикам подошла Ника. По ее смущенному виду было видно, что новости не самые приятные:

— Да, папа сказал, что у нас здесь запланировано строительство какого-то элитного поселка. Уже деньги выделены, техника готова. Вряд ли что-то получится сделать.

— Ну, это мы еще посмотрим, — Кир заговорил громче, чтобы все его услышали. — Так, народ, думаю, всем все ясно. Кто не с нами, тот против нас. Нужно объяснять?

— Нет, все понятно. Чего делать-то будем? — ребята, судя по всему, были готовы следовать за своим лидером.

— Наш лесник говорит, что утром начнутся работы. Значит, мы должны быть там раньше. С рассветом. Нас мало — если соберем всех наших, то навряд ли наберется больше сотни. Значит, нужно подключать предков. Сейчас каждый идет домой и рассказывает все как есть. Встречаемся через час в школьном актовом зале — я с директором договорюсь. Говорите своим, что явка обязательна. Кто не придет — тому лес не нужен.

* * *

III У кола гудела, как в самые свои активные дни. Директор Семен Александрович, за время каникул соскучившийся по административным делам, с готовностью согласился на предложение Кира, особо даже не вникая в суть проблемы. К тому же к мнению лучшего ученика школы и известного на всю округу активиста привыкли прислушиваться — так что к назначенному часу свободных мест в актовом зале не осталось. Казалось, что весь городок собрался здесь. Наверное, сложно представить ситуацию, когда взрослые люди собрались для обсуждения общественно важного дела в свой законный выходной день. Но чудеса случаются, особенно если очень сильно постараться.

— Уважаемые родители! — в свои юные годы Кир уже был опытным оратором и знал, как общаться с любой аудиторией. — Не буду тратить время на ненужные извинения — дело на самом деле важное. Перейду сразу к сути. Наш лес собираются срубить.

— Как? Откуда такая информация? — раздалось сразу несколько возгласов.

— Информация проверенная. Отец Ники подтвердил. Уже все готово — скоро от нашего леса останутся только пеньки.

— Тогда нужно написать обращение на имя руководства! — это была Сашина мама.

— На имя какого конкретно руководства вы предлагаете писать? Да это и не важно. Если бы нам стало об этом известно месяц назад, мы бы так и сделали. А сейчас, пока обраще-

ние дойдет до адресата, будет поздно. Начало работ намечено на завтра.

— Как?! Почему нам никто не сказал? — родители были так возмущены услышанным, что все как один поднялись из кресел. — Куда смотрят наши чиновники?

— Да, мне это тоже очень интересно, но давайте поговорим об этом в следующий раз. Сейчас нужно действовать. Лес — наш. Никто его ни купить, ни продать не имеет права. Значит, дело темное. И если нам удастся помешать вырубке и привлечь внимание общественности к нашей проблеме, то все может получиться.

— Что конкретно ты предлагаешь, Кир? — директор школы на правах представителя администрации решил добавить конкретики в разговор.

Кир хотел было ответить, но тут его взгляд упал на Сашу, который скромно стоял у сцены:

— А об этом нам расскажет наш главный лесник. Давай поднимайся. Мы тебя слушаем.

Саша никогда до этого не выступал перед аудиторией и поэтому думал, что будет робеть. Оказалось, что это совсем не страшно — особенно когда есть что сказать.

— Все просто. Ранним утром мы все направляемся к нашему лесу и создаем живой щит. Судя по всему, компания эта действует втихаря — иначе мы бы узнали об этом проекте заранее. Значит, поднимать шум и привлекать лишнее внимание к своей деятельности они не захотят. Это нам на руку. Пока они будут стараться с нами разобраться, мы со своей стороны привлечем средства массовой информации. То есть мы поднимем такой шум, что им мало не покажется.

— А если не получится? — спросил кто-то из аудитории.

— Если не получится, то мы потеряем не только лес, но и наш город — и нас самих. Место, в котором мы живем, никогда уже не будет прежним. Для меня оно умрет.

Видя, что речь произвела нужный эффект, Кир решил, что решающий момент настал:

— Ну, так вы с нами? Мы сможем защитить наш дом только вместе.

Зал возбужденно загудел.

* * *

Ночь прошла незаметно, несмотря на то, что дома у Саши никто не спал. Откуда он узнал? Кто ему рассказал? Какой Зеленый? Как лес? Мальчик мой, у тебя нет температуры?

Было сложно объяснить родителям то, что он сам до конца не понимал. Еще сложнее было заставить их понять, что в этом нет ничего необычного, с его точки зрения. Необычно скорее то, что они не могли чувствовать природу и слышать ее. Они слышали огромное количество ненужных звуков — а то, что действительно важно, ускользало от них.

Саше хотелось верить в то, что они все поняли.

— Или просто любят меня так сильно, что готовы поддержать, даже ничего не понимая. Может быть, так даже лучше, — подумал в конечном итоге Саша.

Незадолго до рассвета семья, вооружившись фонариками и захватив с собой немного провизии, вышла из дома и направилась к лесу. Шли, взявшись за руки, чтобы никто не отстал и не заблудился в темноте. Саше почему-то вспомнился один из рассказов Джека Лондона, в котором жители Доусона отправились ночью в поход — он даже несколько раз оглядывался, надеясь разглядеть кого-нибудь на дороге, но зря.

— Наверное, мы раньше всех придем, — подумал Саша. — Как раз будет время пообщаться с Зеленым.

До леса они добрались как раз в тот момент, когда начало светать. Лес встретил их приветливо, будто ничего не случилось. Пока родители осматривались, Саша сел на камень и закрыл глаза:

— Я здесь! У нас все получилось — мы вчера разговаривали с горожанами, все очень сильно переживают и готовы бороться за тебя. Не бойся, мы спасем тебя!

По ветвям большого раскидистого ясеня пробежала дрожь — легкий ветерок скинул на Сашу несколько капель росы:

— Спасибо тебе, друг! Ты сам не знаешь, что ты сделал. Дело не в том, кто кого спасает, а в том, что ты готов сделать ради спасения. Это главное. Я слышу, как сюда бежит кто-то. Быстро бежит — торопится.

— О, это наши! Много их? Сколько?

— Я слышу только одного.

— Не может быть! Ты уверен? Мы ведь договаривались. Может быть, они еще слишком далеко?

— Саша, я слышу, как мокрица выбирается из-под камня возле твоего дома. Нет, я не могу ошибаться. А еще я слышу, что машины уже очень близко.

Из-за поворота показался Кир — мальчик бежал изо всех сил, хотя видно было, что он устал. Поравнявшись с Сашей, он упал на траву и несколько секунд пытался отдышаться. Наконец у него это получилось:

— Всё, баста. Никто не придет.

— Как?! — Саша не поверил. — Вчера ведь все согласились!

— Ну да, согласились. На словах. Друг перед другом-то покрасоваться всем хочется. Слова правильные сказать, покритиковать — это мы всегда готовы. А вот как только до дела доходит, тут у нас сразу появляются какие-то неотложные дела. Димка только честно сказал, что ему родители запретили идти, — ему хоть за откровенность спасибо. Ника мне дверь не открыла — ее семья сделала вид, что никого нет дома, хотя я слышал, как они перешептывались. К директору было сунулся — а он говорит, что заболел. Мол, так хотел, так хотел, но

вот именно сегодня — никак. К остальным я даже заходить не стал, все и так понятно. Так что придется нам с тобой за всех отдуваться. Тебе повезло — тебя предки поддержали. А мои и сами не пошли, и меня пускать не хотели. Еле вырвался. Выходит, все? Приехали? Ты чего глаза закрыл? Слушай, а ты и вправду можешь его слышать? Только честно.

Саша открыл глаза:

— Да, могу. Честнее не бывает.

— Я бы тоже так хотел...

— Ты сможешь, это точно.

— Откуда ты знаешь?

— Он мне сам сказал. Ты только поверь — и все получится. Если у кого и должен быть этот дар, так это у тебя, друг. Закрой глаза и слушай.

Вдалеке показалось облако пыли, которое становилось все больше. Еще через несколько минут до четырех людей, пришедших защищать свой лес, донеслись звуки работающих двигателей. Но еще раньше они услышали отчетливое «у-р-р-р». Зеленый знал, что победит. Он был не один.

□

Роман КАЗИМИРСКИЙ

родился в 1981 году в Алма-Ате (Казахстан).

По образованию — журналист.

Печатался в периодических изданиях, в их числе — «Москва», «Южное сияние», «Таймыр», «Новая реальность», «Метаморфозы»,

«Илья», «ЛИТЭРА», «Ликбез», «Литературная газета» и др.

Дипломант и лауреат международных литературных конкурсов,

среди них «Бобэоби-2012», «Илья-премия-2013»,

«Славянские традиции-2013», «Северная звезда-2014» и пр.

Член Южнорусского союза писателей

и белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь».

В настоящее время живет в Черногории.

В журнале «Север» публикуется впервые.

